

Если верить дошедшим до нас свидетельствам, непосредственное лицезрение человеком Бога сопряжено со страданиями для человека. Пророки неизменно падают ниц в ослеплении, не в силах поднять глаза к сиянию на вершине холма. Другими словами, не надо смотреть на сварку, а то «поймаешь зайчика».

Белая мгла Ивана Коновалова — это туман перед глазами человека, ослепленного божественным сиянием. В этом тумане видениями проступают удивительные дворцы и подвиги героев, но повседневная жизнь скрывается в белом мареве, так что не найти завалившуюся под стол вилку.

Начнем с дворцов и героев. Хорошая половина сборника — это протяжные балладные стихотворения. Долгие строки, свободная ритмика, многочисленные анжамбеманы, архаичная лексика, сама мелодика старинного сказания — все эти приемы используются автором с большим вкусом и умением. Читаешь и забываешь, что это текст в столбик. Строки обволакивают. Не случайно вторая часть сборника называется «Пение и дым».

...Подпаски,
еще затемно выгнавшие коней пастись,
видят, как хан вместе с дымом уходит ввысь,
к той синеве, где диск соколиным глазом
желто горит, и кажется, что ему
ничего не стоит в войлочных мягких туфлях
так и шагать, хоть ноги его опухли
за ночь, до той поры, пока не погрузит во тьму
Каракорум Всевышний. А то и дольше.

* * *

Оторочена золотым
зелень крыш, чешуя куполов,
а в храме опять — песнопенье и дым,
и кружащийся в сумраке часослов.
Тюрбаны из змиевой кожи,
шишки сосен — зеленые купола.
С большекрылою птицей схожа,
подымается медленная хвала.

* * *

...Мне кажется, будто я сам
подобен голодному дыму,
что жив, лишь покуда глазам
твоим представляюсь живым,
что вера мне необходима,
как зеркалу — взгляд в отраженье;
без веры есмь дым, черный дым,
и птиц над клубами круженье.

Что касается вилки, завалившейся под стол, то открывается книга несколькими короткими текстами про обыденную рутину жизни. Это стихотворения про прогулки по Елагину острову, про обклеивание стен обоями, про подготовку к празднику Восьмого марта, про обычные домашние дела. И еще: «Дочке в школе прочитать задали» неожиданно заканчивается исповедальной нотой. Стихи возникают, как выплывающие из тумана диковинные предметы окружающей действительности. Так спросонья, идя в уборную, налетаешь в темноте на угол шкафа. Еще не понимаешь, обо что ударился, но уже больно. При этом, на мой взгляд, несколько стихотворений из первой части книги можно было бы перенести во вторую, туда, где «Пение и дым», «Зиночка, сделайте кофе, заладил дождь», «Гроза в степи — безделка не безделка», «Каракорумский

хан», «Охотник Вучич», «Зенги-баба» и другие — всему этому найдется свое место во второй части. И тогда явственнее проступит контраст между туманными картинками прозаических будней и мороком украшенных арабесками фантазий.

Закономерен вопрос: что для Ивана Коновалова первично: форма или содержание? Потому ли он тяготеет к сказочному сюжету, что увлекается распевным стихом восточных притч, или же, наоборот, влекущие автора сказочные истории диктуют форму стиха? Думаю, первое. Именно мелодика долгой распевной фразы — вот что ведет автора в его произведениях. Это песни, в которых сначала звучит мелодия, а уже на нее нанизываются слова и следующее за ними повествование.

...Мы, ловчими сетями спутав тигра,
пугая полосатого огнем,
и палками, и медью заостренной,
влекли того по улицам, где игры
теней, казалось, плакали по нем,
как плачут жернова, скрипя, — по зернам.
Мы Бога заводили в города,
как дичь лесную — весело и страшно.
Никто не знал, зачем того ведут,
но очеса блестели, как слюда, —
приподымая голову от брашна,
Бог совершал свой справедливый суд...

Прекрасно, что поэт слышит эту мелодию. Что она открывает ему видения древних царств, где за тысячу лет до нашей эры на просторах Плодородного полумесяца несутся золоченые колесницы, гремят барабаны и маршируют колонны с бронзовыми мечами наперевес. Тысячи сандалий поднимают дорожную пыль, она встает Белой мглой до самого неба, откуда смотрят древние строгие божества. И очень хочется, чтобы автор разглядел за этой белой пеленой в далеком настоящем нас, маленьких и тщедушных, которые тоже куда-то идут и тоже вращают Землю. Ведь как иначе объяснить, что Земля все еще вертится?